

ШЕДЕВРЫ УЖАСА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

РОБЕРТ
ЧАМБЕРС

СОЗДАТЕЛЬ
ЛУН

ИЛЛЮСТРАЦИИ
САНТЬЯГО КАРУЗО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

ПРЕДИСЛОВИЕ САНТЬЯГО КАРУЗО

Эта подборка, продолжающая серию из четырех рассказов, которые связаны между собой трагической историей «Короля в желтом» (1895), извлечена из сборников «Создатель Лун» (1896) и «Тайна выбора» (1897). Стихотворения, предворяющие прозу, окутывают старинные легенды флером литературного изящества: автор этих рассказов был не столько беспокойным мечтателем из провинции, сколько дилетантом, вдохновлявшимся богемной жизнью «прекрасной эпохи». Но если в те времена Чамберс не уступал известностью лорду Дансейни, то сегодня его помнят в основном лишь как автора «Короля в желтом», ибо эта проклятая книга — предтеча «Некрономикона», созданного знаменитым мифологом из Провиденса. Каждый рассказ Чамберса словно ожерелье тончайшей работы, а в целом все их можно назвать связующим звеном между литературой Северной Америки и той мрачной и набожной фантастической прозой, которую незадолго до него представил француз Марсель Швоб в своем сборнике «Король в золотой маске» (1892), переписав ряд легенд и исторических эпизодов в сверхъестественном ключе. Чамберс разворачивает свои сюжеты с типично французским благоразумием, но благодаря обилию подробностей ткань его повествования зачастую превращается в изысканный гобелен, пропитанный экзотическими

ароматами и наводящий на мысли о Ближнем Востоке или еще более отдаленных уголках Земли. Так происходит, например, в рассказе «Создатель Лун» — жемчужине этого сборника. Некий вымышленный китайский культ ставит под угрозу самые основы экономики Соединенных Штатов, а все элементы, из которых Лавкрафт впоследствии сформирует миф о Ктулху, разложены перед читателем, как на витрине: тут и представители замшелой аристократии, пытающиеся сохранять американскую версию хороших манер перед лицом древнего варварского народа; тут и зловещая, смертоносная фауна, связанная с экзотическим культом, — вечное отражение ксенофобии правящего класса.

Однако герои Чамберса отличаются от лавкрафтовских: их дерзания вдохновлены не только любопытством к потустороннему, но и поисками любви. Не стоит поспешно упрекать его героев в мизогинии: они действуют строго по тем канонам служения прекрасной даме, которые христианство когда-то утвердило в самом сердце рыцарского Средневековья и которым всецело подчинялся сам Чамберс, будучи истинным джентльменом. Один из основных мотивов его прозы — торжество любви (сколь бы ребяческие и сентиментальные формы она ни принимала с точки зрения наших современников) над страхом, который порождает вторжение сверхъестественного ужаса в повседневную жизнь.

Известно, что мифическая Каркоза, родина Короля в Желтом, заимствована из сновидческого рассказа Амброза Бирса «Житель Каркозы», но между этими двумя писателями есть и другая точка пересечения: бирсовский «Случай на мосту через Совиный ручей» явно перекликается с рассказом Чамберса «Врата Горя», в котором последнее слово дикой природы, истребляемой белыми людьми Северной Америки, звучит не менее весомо и громко.

Впрочем, и другие рассказы Чамберса во многом опираются на традицию Бирса — это становится очевидно всякий раз,

когда встреча цивилизованного человека с дикой природой оборачивается нелегким испытанием, а буржуазный дух истекает кровью на шипах проклятия, которым проигравшая сторона Истории клеймит мечту отчаянных первопроходцев и сорвиголов. Так, изгой обретает мимолетное блаженство лишь для того, чтобы погрузиться в пучину истинной муки; путник из рассказа «Исская дева» тщетно пытается вернуть видение бретонской Атлантиды, а нечестивый мертвец возвращается спустя столетия, чтобы обрушить грозное пророчество на потомков своего врага. Переверните страницу — и вы услышите шелест крыльев. «Вестник» уже здесь.

Крохотный серый вестник
В ризах, отмеченных Смертью,
Твои одеянья — прах!
Кого же ты ищешь под вечер,
Порхая меж белых лилий,
Кружа в поникших цветах?

Меж лилий, поникших к ночи,
Порхая в вечернем мраке,
Кого ты ищешь, ответь,
Крохотный серый вестник,
На чьих одеяньях пыльных
Поставила метку Смерть?

А вы, мудрецы, ответьте,
Всё ли на этом свете
Вы повидали? Всё ли
Отметил пыгливый взгляд?
Ты, человек, всеведущ,
Всё ты познал и понял?
Неужто теперь ответишь,
Где же лежит твой брат?

ВЕСТНИК

I

— **П**уля вошла сюда, — сообщил Макс Фортен, приставив средний палец к круглому гладкому отверстию точно посередине лба.

Я сел на холмик сухих водорослей и снял с плеча охотничье ружье.

Коротышка-химик осторожно ощупал края пулевого отверстия — сначала средним пальцем, затем большим.

— Дайте-ка мне еще раз взглянуть на этот череп, — сказал я.

Макс Фортен поднял его с земли.

— Такой же, как и все остальные, — заметил он.

Я кивнул, даже не протянув руки. Фортен на миг растерялся, но затем аккуратно положил его в траву у меня под ногами.

— Как и все остальные, — повторил он, протирая очки носовым платком. — Я подумал, может, вы захотите увидеть один из этих черепов, вот и принес его сюда из гравийного карьера. Парни из Банналека* всё еще там копают. Пора бы уже и честь знать.

— Сколько всего черепов? — поинтересовался я.

— Они нашли тридцать восемь, а в списке значатся тридцать девять. Все свалены грудой в гравийном карьере, на краю пшеничного поля Ле Бьяна. Ле Бьян собирается остановить их.

— Пойдемте, — сказал я и, подхватив ружье, двинулся напрямиком через скалы. Фортен пошел по одну руку от меня, Малыш побежал по другую.

* Банналек — город в регионе Бретань, на северо-западе Франции. — *Здесь и далее прим. пер.*

— У кого этот список? — спросил я, закуривая трубку. — Вы сказали, есть какой-то список.

— Нашли латунный цилиндр, а в нем — скрученный листок с этим списком, — ответил химик и добавил: — Не стоит здесь курить. Если хоть одна искра попадет в пшеницу, ну, сами понимаете...

— Не волнуйтесь, у меня есть крышка для трубки, — улыбнулся я.

Полубовавшись, как я пристраиваю на раскаленную чашечку трубки насадку с дырками вроде перечницы, Фортен продолжил:

— Список составили на плотной желтой бумаге; в этом латунном цилиндре она отлично сохранилась с тысяча семьсот шестидесятого. Сами увидите.

— Что за дата?

— Список датирован апрелем тысяча семьсот шестидесятого года. Он сейчас у бригадира Дюрана. Написан не по-французски.

— Не по-французски? — удивился я.

— Нет, — торжественно подтвердил Фортен. — По-бретонски.

— Но в тысяча семьсот шестидесятом на бретонском еще не писали и не печатали книг*, — возразил я.

— Разве что священники, — обронил химик.

— Я слышал лишь об одном священнике, который писал по-бретонски, — начал я.

Фортен украдкой взглянул на меня.

— О Черном Монахе? — уточнил он.

Я кивнул.

Фортен открыл было рот, чтобы продолжить, поколебался и наконец упрямо стиснул зубами пшеничный стебель, который жевал на ходу.

— Ну, так и что насчет Черного Монаха? — переспросил я, но напрасно. Проще заставить звезды свернуть со своих путей, чем разговорить заупрямившегося бретонца.

* Долгое время бретонский язык оставался исключительно устным. Литературный бретонский был разработан искусственно лишь в XIX веке.

Минуту-другую мы шли в тишине.

— Где бригадир Дюран? — спросил я, прикрикнув на Малыша: тот ломился через посевы, словно по дикому верещатнику. Между тем вдалеке показался край поля, а за ним — темные, влажные громады скал.

— Дюран — там, отсюда уже видать. Смотрите, это он стоит чуть позади мэра Сен-Жильда*.

— Понятно, — сказал я.

И мы двинулись прямо вниз по выжженной солнцем, заросшей вереском тропе для скота.

Когда добрались до края поля, Ле Бьян, мэр Сен-Жильда, окликнул меня. Я сунул ружье под мышку и подошел к нему, огибая пшеницу.

— Тридцать восемь черепов, — произнес он своим тонким высоким голосом. — Остался всего один, и я против дальнейших поисков. Полагаю, Фортен вам сообщил?

Я пожал ему руку и ответил на приветствие бригадира Дюрана.

— Я против дальнейших поисков, — повторил Ле Бьян, нервно перебирая серебряные пуговицы, которые покрывали всю переднюю часть его куртки из сукна и бархата, отчего та напоминала нагрудник чешуйчатых доспехов.

Дюран поджал губы, подкрутил огромные усы и заткнул большие пальцы за пояс с саблей.

— Что до меня, — заявил он, — то я за дальнейшие поиски.

— Дальнейшие поиски чего? Тридцать девятого черепа? — уточнил я.

Ле Бьян кивнул. Дюран нахмурился, глядя на залитое солнцем море, кольшущееся, словно чаша расплавленного золота, от скал до горизонта. Я проследил за его взглядом. На блестящих скалах, силуэты которых темнели на фоне сверкающего моря, сидел, задрвав к небу свою жуткую голову, большой баклан, черный и неподвижный.

* Сен-Жильда — город в регионе Бретань, на северо-западе Франции.

— Где этот список, Дюран? — спросил я.

Жандарм порылся в своей почтовой сумке и достал латунный цилиндр около фута длиной, с мрачным видом отвинтил крышку и вытряхнул свиток плотной желтой бумаги, густо исписанной с обеих сторон. Этот свиток он и вручил мне по кивку Ле Бьяна, но я ничего не смог разобрать в грубых каракулях, тускло-коричневых от времени.

— Переведете, Ле Бьян? — Я почувствовал, что теряю терпение. — Ну и горазды вы с Максом Фортенем наводите тень на плетень!

Ле Бьян подошел к краю ямы, где копали трое мужчин из Банналека, отдал приказ или два по-бретонски и повернулся ко мне.

Я тоже приблизился к яме и увидел, что люди из Банналека стаскивали квадратный кусок парусины с груды чего-то, что я на первый взгляд принял за булыжники.

— Смотрите! — пронзительно воскликнул Ле Бьян.

Я приотрелся. Это была груда черепов. Миг спустя я уже спускался по гравийному склону. Люди из Банналека хмуро поздоровались со мной, опираясь на кирки и лопаты и вытирая загорелыми руками потные лица.

— Сколько? — спросил я по-бретонски.

— Тридцать восемь, — ответили они.

Я огляделся. За грудой черепов лежали две груды человеческих костей. Еще дальше — холмик из какого-то ржавого лома, железного и стального. В этой куче я разглядел проржавевшие штыки, лезвия сабель и кос, а кое-где — потускневшие пряжки с обрывками жестких ремней, твердых, как железо.

Я подобрал пару пуговиц и поясную застежку. На пуговицах был изображен королевский герб Англии; на застежке — английская военная эмблема с цифрой «27».

— Мой дед рассказывал об ужасном английском полке, Двадцать седьмом пехотном. Они высадились тут, неподалеку, и штурмовали форт на берегу, — произнес один из банналекцев.

— Ага! — отозвался я. — Значит, это кости английских солдат?

— Да, — ответили люди из Банналека.

Ле Бьян уже кричал мне сверху, чтобы я поднимался.

Отдав работникам застежку и пуговицы, я выбрался на край раскопа.

— Ну, — сказал я, придерживая Мальша, чтобы тот не вскопал и не принялся меня облизывать, — полагаю, вы знаете, что это за кости. Что собираетесь с ними делать?

Ле Бьян сердито насутился.

— Час назад тут был один человек. Англичанин. Проезжал на какой-то колыхаге в Кемпер. Что, по-вашему, он хотел сделать?

— Купить мощи? — с улыбкой предположил я.

— В точку! Вот же свинья, а? — выкрикнул мэр Сен-Жильда. — Жан-Мари Трегунк — это он нашел кости — стоял там, где стоит сейчас Макс Фортен, и знаете, что он ответил? Плюнул на землю и сказал: «Английская свинья! За кого ты меня принимаешь, за осквернителя могил?»

Я знал Трегунка — серьезного голубоглазого бретонца, который уже не первый год едва сводил концы с концами и не мог позволить себе даже кусочка мяса на обед.

— Сколько этот англичанин предложил Трегунку? — спросил я.

— Двести франков за одни только черепа.

Я подумал об охотниках за реликвиями и покупателях сувениров с полей сражений нашей гражданской войны.

— Тысяча семьсот шестидесятый — это было давно, — заметил я.

— У почтения к мертвым нет срока давности, — возразил Фортен.

— Мало того, — продолжал я, — английские солдаты пришли сюда, чтобы убить ваших отцов и сжечь ваши дома.

— Они были убийцами и ворами, но теперь они мертвы, — сказал Трегунк, поднимаясь к нам с пляжа. С его шерстяной

куртки капала вода, а на плече он нес длинные грабли, какими прочесывают берег во время отлива.

— Сколько ты зарабатываешь в год, Жан-Мари? — спросил я, повернувшись, чтобы пожать ему руку.

— Двести двадцать франков, месье.

— Сорок пять долларов в год! — воскликнул я. — Ну и ну! Ты стоишь большего, Жан. Ты не мог бы заняться моим садом? Жена сказала спросить тебя. Думаю, на ста франках в месяц мы бы с тобой столковались. Ну что ж, Ле Бьян, за дело! Фортен или вы, Дюран! Кто-нибудь, переведите мне этот список на французский!

Трегунк так и застыл, выпучив на меня свои голубые глаза.

— Можешь приступить хоть сегодня, — улыбнулся я ему. — Если, конечно, оплата тебя устраивает.

— Устраивает, — сказал Трегунк, с глупым видом шаря по карманам в поисках трубки. Ле Бьяна это вывело из себя.

— Ну так иди и работай! — прикрикнул на него мэр.

Трегунк запоздало сдернул передо мной картуз, повернулся и, стиснув рукоять граблей изо всех сил, зашагал через вересковую пустошь к Сен-Жильде.

Некоторое время мэр сосредоточенно изучал свои серебряные пуговицы, а потом заметил:

— Вы предложили ему больше, чем получаю я.

— Тоже мне, — усмехнулся я. — Что вы делаете за свое жалование? Играете в домино с Максом Фортенем в кабаке «Груа»?

Ле Бьян покраснел, но Дюран звякнул саблей и подмигнул Максу Фортену, а я со смехом подхватил накупившегося мэра под руку.

— Вон там, под обрывом, есть тенистое местечко, — сказал я. — Пойдемте, Ле Бьян, прочитаете мне, наконец, этот список.

Не прошло и минуты, как мы укрылись в тени скалы. Я растянулся на земле, опершись подбородком на руку, и приготовился слушать. Жандарм Дюран сел, закрутив усы так лихо, что кончики их стали острыми, как иглы. Фортен прислонился

к скале, полируя очки и скользя по нам рассеянным, близоруким взглядом, а мэр Ле Бьян уселся посередине, скатал свиток и сунул его под мышку.

— Прежде всего, — начал он пронзительным голосом, — я закурю трубку, а пока буду ее раскуривать, расскажу вам, что знаю о нападении на тот форт. Мой отец рассказывал мне, а ему — его отец.

Мэр мотнул головой в сторону разрушенного форта — квадратной каменной постройки на утесе над морем, от которой уже не осталось ничего, кроме осыпающихся стен. Затем он неторопливо достал кисет, кремень с трутом и трубку с длинным чубуком и микроскопической чашечкой из обожженной глины. Чтобы набить такую трубку, требуется минут десять пристального внимания. Чтобы выкурить — всего четыре затяжки. Очень уж она бретонская, эта бретонская трубка. Квинтэссенция всего бретонского.

— Продолжайте, — подбодрил я его, закуривая сигарету.

— Форт, — сказал мэр, — был построен при Людовике XIV. Англичане дважды его захватывали. В 1739-м Людовик XV восстановил его. В 1760 году англичане снова напали. Подошли от острова Груа на трех кораблях, взяли форт штурмом, разграбили Сен-Жюльен — вон там, по соседству, — и начали жечь Сен-Жильда. На стенах моего дома до сих пор видны следы от пуль. Но подоспели люди из Банналека и Лорьяна с пиками, косами и мушкетонами и задали англичанам жару. Те, кто не убежал, теперь лежат там, внизу, в гравийном карьере, — тридцать восемь покойников.

— А череп тридцать девятого? — спросил я, докуривая сигарету.

Мэр закончил набивать трубку и начал убирать кисет с табаком.

— Череп тридцать девятого, — пробормотал он, сжимая чубук кривыми желтыми зубами, — череп тридцать девятого — это не мое дело. Я велел людям из Банналека прекратить копать.

— Но чей же он, этот недостающий череп? — не отставал я.